

Беррес Фредерик Скиннер: Почему мы не спасаем мир?

Мир на пороге серьезных проблем. Растет риск ядерной войны. Ископаемое топливо рано или поздно закончится, многие другие критически важные ресурсы близятся к истощению. Земля неуклонно теряет пригодность для жизни. И все это усугубляется бурно растущей популяцией, которая сопротивляется контролю. У нас нет точных данных, когда все это произойдет, но угроза реальна. Тот факт, что некоторым людям эти слова могут показаться нудными, возможно является еще большей угрозой.

Почему мы не действуем? В пределах одного поколения мы сделали невероятный прогресс в космических полетах, геной инженерии, электронной технологии и во многих других областях, однако в решении действительно серьезных проблем мы движемся очень медленно. Мы знаем, что делать: можно было бы уничтожить все ядерное оружие, ограничить размер семьи, сократить загрязнения и придерживаться менее расточительного образа жизни. Просто услышав этот план, можно понять, как далеки мы от его воплощения.

Традиционные объяснения нашего бездействия знакомы всем: люди не думают о будущем поколении, у них нет четкого восприятия проблемы, они глупые, ленятся, им не хватает силы воли и так далее. К сожалению, объяснения такого рода просто заменяют один вопрос другим. Почему мы недостаточно ответственны или умны? Почему мы ленивы? Лучшей стратегией будет обратить внимание на контекст, функцией которого является наше поведение. Так мы сможем найти хотя бы некоторые причины того, почему мы делаем то, что делаем. Контекст также отвечает за состояния тела, которые мы называем чувствами и настроениями.

Мы знаем, что точно должны сделать что-то с будущим. Но будущего не существует. Оно не может воздействовать на нас, а мы не можем воздействовать на него. Кажется, что мы можем поставить цель, но цели не

отсылают в будущее. Например, может показаться, что птицы строят гнезда с целью высиживания и выкармливания птенцов. Безусловно, они ~~строят~~ гнезда и будут ими пользоваться, но нет смысла говорить, что они занимаются этим ради будущего использования.

Поведение птиц лучше описывает метафора отбора, которая впервые была введена Дарвином и Уоллесом при описании эволюции видов. Вариации в генетической структуре, позволившие птицам строить гнезда, были отобраны, поскольку способствовали выживанию. Строительство гнезда контролируется последствиями, но оно возникает из-за событий в прошлом, а не будущем. Мы столкнулись с настоящей проблемой потому, что естественный отбор подготавливает виды только к такому будущему, которое похоже на прошлое, в котором произошел отбор. В другой среде виды могут погибнуть.

Этот недостаток был в некоторой степени исправлен появлением возможности приобретать поведение, которое было эффективным в слишком нестабильной для естественного отбора среде. Этот процесс, оперантное обусловливание, работает как отбор, поэтому неудивительно, что отобранное последствиями поведение кажется целенаправленным. Но цель из будущего не имеет воздействия на поведение в настоящем, или на вероятность того, что поведение произойдет. Ее воздействие будет ощутимо только тогда, когда поведение уже случится. Проблема остается той же: оперантное поведение, как и естественный отбор, подготавливает организм только к такому будущему, которое похоже на прошлое, в котором произошел отбор. Более того, в течение своей жизни отдельный организм может приобрести лишь небольшой репертуар поведения самостоятельно.

Последняя проблема была решена появлением возможности влияния истории отбора других организмов на поведение отдельного организма. Например, когда члены группы имитируют друг друга и моделируют поведение для имитации – они приобретают более обширные и эффективные в различных условиях репертуары. Человеческий вид вышел за рамки имитации и моделирования благодаря эволюции вербального поведения или языка. Люди не только показывают друг другу что делать, но и говорят об этом.

Язык - это способ реализации третьего вида отбора последствиями, эволюции культуры. Культура эволюционирует, когда новые практики, иногда введенные

по неуместным причинам, отбираются их вкладом в выживание группы. Говорят, что культурные практики также имеют цель. Например, целью образования считают информирование участников сообщества, но и в этом случае нам следует говорить только о ведущих отбор последствиях. Образовательные практики поддерживаются выпуском информированных участников для группы.

Образование также является примером двух других недостатков, которые актуальны для нашей проблемы: (1) особенности вида продолжают существовать еще долгое время после того, как условия, ответственные за их отбор, изменились; и (2) эти изменения могут быть вызваны отобранными особенностями. Таким образом, пищеварительная система и пищевое поведение видов, предположительно, эволюционировали в одно и то же время. В неизменной среде животные “инстинктивно” едят удобоваримую пищу, причиной этого является естественный отбор. Когда, в дополнение к этому, эволюционировала особая восприимчивость к оперантному подкреплению едой, животные научились находить другую еду, которая также отвечала их потребностям в питании. Это было особенно важно при дефиците основных продуктов питания.

Например, в ранней истории человечества почти всегда было мало соли и сахара. Люди, у которых генетические изменения повысили восприимчивость к подкреплению этими продуктами, должно быть, быстрее понимали и дольше помнили, где их найти. Эволюционировавшая особенность не только поспособствовала репродуктивному успеху особи и, затем, вида, но и вызвала проблемы. Благодаря истории отбора, в которой сахар повышал шансы на выживание, люди начали производить соль и сахар в огромных количествах, как только открыли способы делать это. Мы создали мир, в котором тактика “Ешь столько сахара, сколько видишь” превратилась в проблему. К счастью, другие культурные практики частично компенсируют ее: ученые увидели негативные последствия чрезмерного употребления соли и сахара и советуют ограничить их прием. Если последствия были бы серьезнее, то на конфетах и на упаковках соленых орешков было бы предупреждение: “Этот продукт опасен для вашего здоровья”.

Две другие восприимчивости создали больше беспокоящих нас проблем. Во-первых, когда люди жили в далеко не гостеприимном мире и периодически

были подвержены голоду и эпидемиям, было важно, чтобы они размножались как можно чаще. В условиях сниженной смертности в этом нет необходимости, и мы столкнулись с перенаселением. Во-вторых, когда люди защищали себя и свою собственность в рукопашном бою, было эффективно совершенствовать техники и способы нанесения физического ущерба. Сегодня в условиях, когда оружие эволюционирует не силами отдельного индивида, а всего общества, это привело к созданию и производству оружия массового поражения.

Часто предлагается, что эти проблемы могут быть решены, если мы предупредим людей о последствиях их поведения. Стало модным “повышать уровень сознательности”. Подразумевается, что люди изменятся, когда поймут, что у их поведения опасные последствия. Такой призыв к знанию создал много трудностей. Иногда проводится граница между “знанием по знакомству”, когда мы действуем определенным образом из-за последствий этих действий в прошлом, и “знанием по описанию”, когда нам говорили, что произойдет. Чего не хватает в “знании по описанию” - причины, по которой мы будем действовать. Если мы одолжили ручку у друга и нам понравилось ей писать, то мы можем купить себе такую же. Мы знаем по знакомству, что это хорошая ручка. Мы покупаем ее, поскольку она открывает новые возможности. Напротив, если друг просто говорит нам, что это хорошая ручка, то мы знаем этот факт по описанию. Тогда мы купим ее только в том случае, если уже получали пользу, следуя совету друга или кого-либо еще, с кем у нас был подобный опыт.

Очевидно, мы не можем знать будущее “по знакомству” и у нас нет особых причин, чтобы действовать, зная его “по описанию”. Чем более отдалены предсказанные последствия, тем мы менее склонны вести себя сообразно. Следование совету о ближайшем будущем чаще оказывалось лучше. Советы отказаться от оружия и перейти к чистой энергетике связаны с отдаленным будущим. Возможно, этим советом стоит поделиться с другими, но следование ему не создаст ощутимой разницы на маленьких временных промежутках.

Мы также вряд ли примем предупреждения о негативных последствиях игнорирования совета. Нередко избегание или игнорирование совета оказывается легче, или же можно избегать угрозы таким образом, который не требует решения проблемы. Недавно в Америке появились люди, которые пошли по второму пути - они говорят об апокалипсисе. Утверждается, что мы

переживаем “последние дни”, а поскольку наше будущее ждет нас в другом мире, этим миром можно пренебречь. Нам ничего не нужно делать

Мы также вряд ли последуем совету, если следование ему сопряжено с сиюминутными трудностями. Особи, которые избегали незащищенного секса в присутствии потенциальных партнеров, только проигрывали в шансах на репродукцию. Есть и другая причина, почему напоминания о будущем вряд ли помогут нам: в том случае, если советы не принимаются долгое время, их перестают давать, а тех, кто их дает, перестают слушать.

Совет о личном будущем может быть по-настоящему эффективным. Например, многие люди бросили курить. Возможно, некоторые из них сделали это, потому что им сказали, что курение может стать причиной рака легких. Следует отметить, что последствия избавления от вредной привычки долго не дают о себе знать, а от совета можно уклониться с помощью статистики (“Раком заболевают не все, значит и я не заболею”). Но за исключением некоторых людей, таких как врачи, которые привыкли принимать советы об отдаленном будущем и наблюдать эти последствия вживую, большинство людей скорее всего бросили курить из-за сиюминутных причин: больное горло или кашель курильщика, раздражающие ограничения против курения, протесты окружающих, снисходительность отказавшихся от курения друзей, увеличивающаяся стоимость сигарет и так далее.

Однако этот факт может быть полезен сам по себе. Нельзя ли сделать что-то подобное для решения нашей проблемы? Если бы отдаленные последствия давали о себе знать в настоящем, то были бы более эффективными. Так почему бы нам не организовать такого рода сиюминутные последствия? В этом предложении нет ничего особенно нового. Этика - это прежде всего вопрос конфликта между сиюминутными и отдаленными последствиями. Как можем мы отказаться от вознаграждения, чтобы избежать более позднего наказания? Или как можем мы принять наказание ради более позднего вознаграждения? У нас уже есть опыт введения сиюминутных последствий, воспроизводящих эффект отдаленных. Люди стыдятся тех, кто не может воздержаться от сиюминутного вознаграждения или отказывается принять сиюминутное наказание, и хвалят тех, кто с этим справляется. Будь употребление соли и сахара более опасным - оно считалось бы постыдным.

Оно также могло бы быть объявлено незаконным или греховным, поскольку в развитых культурах санкции подобного рода устанавливаются государством или религией. Влияние этих институтов выходит за временные границы одной человеческой жизни, поэтому можно сказать, что те, кто ведет себя соответственно санкциям, работают на будущее своей культуры. Люди платят налоги государству или жертвуют деньги религии, чтобы избежать санкций в виде штрафов или общественного порицания. Безопасность и порядок со стороны государства, душевное спокойствие и ответы на загадочные вопросы со стороны религии - это часто присутствующие положительные последствия, которые иногда называют причиной существования этих институтов.

Деньги и товары - это другие сиюминутные подкрепления. Ими можно побудить людей работать на будущее, до которого они не доживут - будущее бизнеса и индустрии. Считается, что эти два института существуют для более обширного производства и распределения товаров. Государства, религии и капитал не смогли бы удерживать свой контроль, если бы не предоставляли упомянутые сиюминутные последствия.

Если бы будущее государств, религий и бизнеса не расходилось с будущим человеческого вида, у нас бы не было повода для беспокойства. Окажись, что определенное поведение ставит вид под угрозу, институты объявили бы его незаконным, греховным или слишком затратным и изменили бы контекст, в котором оно проявляется. К сожалению, дороги будущего расходятся. Ядерное оружие сделано для гарантии выживания государств и религий, но не человечества. Эти институты выступают против контроля над рождаемостью, поскольку их сила заключается в количестве поддерживающих их людей.

(Китай может показаться исключением - перенаселение является там острой проблемой. Будущее настало.) Государства и религии заручились поддержкой, защищая право на собственность и стремление к счастью. Когда в ближайшем будущем появляется угроза (как во время войны) - они отступают и вводят политику экономии.

Государства, религии и капиталистические системы, будь то общественные или частные, контролируют заметную часть жизни отдельных людей. Как это было всегда, они используют эту возможность для собственного расширения, ведь им нечего получить, отказавшись от власти. Эти институты появились через отбор

последствиями, но последствия, которые их отобрали, конфликтуют с будущим человеческого вида.

Отбор последствиями готовит только к будущему, похожему на прошлое, в котором произошел отбор. Это недостаток, который был исправлен в естественном отборе с помощью оперантного обусловливания, а в оперантном обусловливании с помощью эволюции культурных практик. Но можно пойти дальше. Среди эволюционировавших культурных практик есть научные и они вмешиваются в процесс отбора. Мы можем либо создавать вариации (а не ждать, пока они возникнут случайно), либо изменить контекст, в котором происходит отбор. Нечто подобное уже давно было сделано.

В течение тысяч лет люди вмешивались в эволюцию домашних животных с помощью искусственного отбора, и теперь они могут делать это с большой точностью. Впервые появилась возможность создавать вариации, изменяя гены. Люди всегда вмешивались в развитие личных репертуаров поведения либо создавая вариации (как при моделировании новых видов поведения для имитации), либо изменяя контекст. Программируемая инструкция делает и то и другое. Лишь изредка люди меняли контекст, ведущий отбор культурных практик (хотя иногда люди вмешивались и сохраняли ценные практики, которые оказались на грани исчезновения). Не можем ли мы спроектировать культуру, у которой будет больше шансов на будущее, вместо того, чтобы ждать пока вариации и отбор решат наши проблемы?

Пришло время сказать, кто “мы” такие. Можно начать с перечисления тех, кто наиболее активен в рассмотрении этой проблемы. По большей части мы - ученые, учителя и журналисты. Мы не связаны с государством, религией и капиталом и поэтому свободны принять во внимание более отдаленное будущее. Наша свобода напрямую зависит от этой независимости. Если среди нас есть лидеры государства, религии или бизнеса - они с нами только до той степени, в которой они не зависят от своих институтов.

Ученые среди нас могут нарисовать лучшую картину будущего, и это будущее не обязано походить на прошлое, в котором произошел его отбор. Одна часть науки - это просто “знание по знакомству” (запись того, что произошло), а другая часть содержит “знания по описанию”. Изучая комплексную систему и применяя уже имеющиеся о ней знания, ученые предсказывают события,

которые ранее никогда не происходили. Например, изучая цепочку из шестеренок, мы можем сказать, что если первая шестеренка вращается по часовой стрелке, то восьмая будет вращаться против часовой стрелки, даже если мы ее не видели. Мы также можем построить цепочку, в которой конкретная шестеренка поворачивается определенным образом. Предсказание и построение сложных цепочек привело к тесту атомной бомбы на полигоне Аламогордо.

Однако в настоящий момент нас интересуют цепочки с участием людей, а не шестеренок или атомных ядер. И большая часть того, что нам предстоит узнать, будет зависеть от компетентности людей, изучающих поведение. Достаточно ли мы знаем о простых взаимосвязях между переменными, чтобы предсказать результаты новых взаимосвязей? Могут ли накопленные факты содержать в себе необходимую информацию о будущем?

Политология, экономика, антропология и социология изучают, что люди делали на протяжении истории или делают сейчас при настоящих условиях жизни. Это “знание по знакомству”. Лишь за одним исключением, то же самое относится к психологии, которая все больше и больше обращается к истории пережитых событий, анкетам, кадастрам и другим записям того, что люди сказали или сделали. Все эти науки изучают поведение - совместный продукт влияния генов и культуры. Кроме того, ученые сами являются продуктами своей культуры. Как говорится, они не свободны от идеологии.

Упомянутым выше исключением является экспериментальный анализ поведения. О нем редко заходит речь в дискуссиях по всему миру - как ни странно, по причинам, которые на самом деле являются его преимуществами, особенно в отношении настоящей проблемы. Поскольку основные усилия поведенческих аналитиков направлены на изучение животных, считается, что экспериментальный анализ поведения игнорирует все, что свойственно человеку. Поскольку изучение маленьких детей и умственно отсталых оказалось наиболее успешным, говорят, что дисциплина пренебрегает сложными когнитивными процессами.

Для этих стратегий есть свои причины. Любая наука начинается с фактов, которые можно предсказывать и контролировать с некоторой точностью, а затем, если это позволяет увеличивающаяся сила анализа, переходит к более

сложным фактам. Там, где пока нет возможности для предсказания и контроля, необходимо обратиться к интерпретации. Это стандартная научная практика. Например, большинство фактов эволюции недоступны для предсказания и контроля. Теория эволюции является интерпретацией, но ей оказывают сильнейшую поддержку лабораторные исследования на модельных организмах.

Существует еще одна причина, почему большинство научных объяснений человеческого поведения остаются интерпретациями. Часть поведенческого репертуара человека является вербальной. Помимо того, что контекст контролирует поведение, люди, в отличие от крыс и голубей, говорят о контролируемых переменных. Они формулируют правила, дают себе и друг другу советы. Научившись в раннем возрасте, они продолжают делать это на протяжении всей жизни. Поэтому в любых условиях, будь то повседневная жизнь или лаборатория, поведение человека должно рассматриваться как совместный продукт контролируемых переменных и того, что человек говорит о них. Однако, это не значит, что поведение человека не подчиняется никаким законам. Если нам будут доступны все факты, мы должны суметь объяснить его, но большая часть того, что люди говорят о мире, в котором живут - это продукт личной истории, которая находится вне нашей досягаемости. Вероятно, поведение человека еще долгое время будет в большей степени предметом интерпретации, а не предсказания и контроля. Отсюда следует важность науки, изучающей поведение невербальных видов или людей, на которых не влияет опыт других людей.

Следующая аналогия может быть полезной. Предположим, что у человека в дополнение к легким эволюционировал орган, помогающий газообмену с окружающей средой. Чтобы выяснить, как работают легкие, мы могли бы найти человека, в котором этот другой орган не эволюционировал, был утрачен или мог быть временно изолирован. Или мы могли бы изучить легкие других видов. Вербальное поведение похоже на этот орган: изучать без путаницы основные поведенческие процессы можно только тогда, когда они изолированы. Но и само вербальное поведение можно анализировать таким же образом.

Следует упомянуть и другую особенность экспериментального анализа поведения. Ранние эксперименты с поведением животных почти всегда планировались с целью проверить теорию. Экспериментатор выдвигал теорию, основываясь на своей личной истории. Таким образом результаты были

обременены идеологией. В экспериментальном анализе поведения теории ограничиваются допущением о принципиальной предсказуемости и контролируемости изучаемого предмета. Дисциплина переходит к изучению новых свойств поведения по мере того, как они появляются в процессе исследования. Результат максимально свободен от личной истории ученого.

Если человеческая природа подразумевает эволюционную историю вида, мы не можем изменить ее. Однако у нас есть наука, с помощью которой можно спроектировать мир, в котором многие возникшие в ходе естественного отбора недостатки оказались бы незначительными. Это был бы мир, в котором люди относятся друг к другу хорошо не из-за санкций, установленных государством или религией, а из-за сиюминутных личных последствий. Это был бы мир, в котором люди производят востребованные товары не в контексте бизнеса или индустрии, а просто потому, что пользуются ими сами или могут передать их другим. Это был бы прекрасный и интересный мир, в котором у человека было бы больше возможностей. Это был бы мир, в котором численность населения находится на безопасном уровне, поскольку все социальные и экономические стимулы рожать детей устранены, а беременность легко предотвратить. Это был бы мир, в котором социальные и коммерческие практики, способствующие чрезмерному потреблению и загрязнению, остались бы в прошлом. Это был бы образ жизни, обеспечивший человеческий вид гораздо более длительным существованием на планете Земля. Все это можно сделать без "повышения самосознания": принимать во внимание более отдаленные последствия было бы необходимо только тем, кто проектировал сиюминутные взаимосвязи между поведением и его последствиями.

Каковы шансы, что спроектированная таким образом культура станет повсеместной? Разумеется, нельзя просто взять и навязать ее. В таком случае это была бы не та культура, которую мы хотим построить. Ей также не уйти от отбора последствиями. Новые практики - это вариации, которые выживают только в том случае, если способствуют выживанию группы. Очевидно, что перечисленные выше практики столкнутся с трудностями. Им будут противостоять институты, которые они призваны заменить. Даже если бы тщательная программа изменений медленно продвигалась в нужном направлении, ей бы начали противостоять при первых признаках угрозы государству, религии и экономическим предприятиям. Также было бы невозможно обратиться за поддержкой к людям, поскольку те являлись бы

продуктами более ранних культур. Спроектированная культура нравилась бы тем, кто жил в ней (иначе она была бы ошибочной), но не тем, кто ~~любит~~ ~~кто~~ любит, потому что были воспитаны в другой культуре.

Свобода от влияния институтов присутствует не только в науке, но и в образовании и консультировании. Однако такая работа идет медленно, а наша проблема, похоже, требует незамедлительных действий. Сложно говорить молодым людям, что насилие не способствует решению проблем, будучи на пороге ядерной войны. В контексте невыносимых страданий перенаселения кажется безответственным учить выросших в большей семье молодых людей быть счастливыми, не имея семьи или детей. Кажется безответственным учить молодых людей наслаждаться жизнью более экономно, когда все вокруг уничтожают критически важные ресурсы и загрязняют окружающую среду. Возможно, наша единственная надежда – создание культуры с нуля.

Мы можем найти некоторое утешение в том, что никакое реальное вмешательство невозможно. Мы не можем изменить историю жизни на Земле, как если бы мы не были ее частью. Если люди хоть когда-либо меняли ход эволюции, то только потому, что эволюционировавшие культурные практики позволили сделать это. Однако, если мы не можем вмешаться, то мы, по крайней мере, можем наблюдать. Например, существуют ли хоть какие-то признаки того, что институты становятся слабее? Определенно, нет явного сдвига в сторону государства, которое управляет лучше всего, поскольку вмешивается в жизнь граждан меньше всего. Роль религии растет. Бизнес и промышленность не движутся в сторону децентрализации.

Конфликты между институтами - это значительная часть нашей проблемы, и очень немного фактов свидетельствуют в пользу того, что ситуация улучшается. Лига Наций, образовавшаяся вследствие Первой Мировой Войны, ослабевала по мере того, как ужасы войны уходили в прошлое. Организация Объединенных Наций, которая образовалась вследствие еще более ужасной войны, ослабевала по мере того, как исчезали воспоминания о конфликте. Движение за объединение различных христианских конфессий не выходит за рамки стремления распространить свою веру. В основе бизнеса и индустрии лежит конкуренция, мы все еще далеки от мирового рынка. Резюмируя, те, кто контролирует контекстуальные переменные, вокруг которых выстроена наша

жизнь, по-видимому не собираются отказываться от своей власти в пользу интересов человечества.

Нельзя сказать ничего многообещающего о тех, кто свободен от влияния институтов. Многие организации созданы с целью предотвращения ядерной войны, перенаселения, истощения и уничтожения жизнеспособной среды, но их протесты должны быть направлены государству, религии и экономическим системам, которые вряд ли поддержат эту инициативу. Более того, эти организации работают по принципу запугивания. Они не предлагают людям лучший мир – только мир, где не стало хуже.

Если свидетельства уцелеют, пришельцы из космоса смогут когда-нибудь восстановить любопытную историю. Земля была маленькой планетой, условия которой способствовали зарождению жизни. В один момент атомы образовали молекулу, которая могла самовоспроизводиться в строго определенных условиях. Из-за случайных вариаций в структуре этой молекулы самовоспроизведение стало возможным в менее благоприятных условиях. Эволюционировали клетки, затем органы, организмы и виды. Взаимодействие с окружающей средой становилось все более сложным. Эволюция оперантного контроля над голосовой мускулатурой у Homo Sapiens позволила членам вида говорить друг с другом и обмениваться опытом. Эволюционировали сложные культурные практики, в числе которых наука и техника.

К сожалению, они использовались для поддержки генетических предрасположенностей, появившихся на более ранних стадиях эволюции. Поскольку нестабильность в поставках еды снижает шансы на выживание, люди выращивали, хранили и распространяли ее в огромных количествах. Поскольку перемещение дает возможность контактировать с более благоприятными для выживания условиями, они изобрели поезда, автомобили, самолеты и космические корабли. Поскольку можно было отнять ценные вещи у других людей, а затем защищаться, они изобрели дубинки, автоматы и бомбы. Поскольку в группах, в которых отдельным особям можно тратить большую часть времени на помощь другим особям, возрастает выживаемость, появились целители и медицина. Люди увеличивали длительность жизни, их становилось больше, и они распространялись по всей Земле, культивируя ее. Они потребляли все больше и больше невозобновляемых ресурсов. В борьбе за то,

что осталось, люди начали создавать оружие, мощность которого ставила под угрозу все живое на Земле.

Некоторые люди были обеспокоены этим, но их предложения шли вразрез с практиками, которые поддерживались не только сиюминутными, более сильными последствиями, но и устаревшими моральными и этическими принципами, которые были придуманы для их оправдания. Люди продолжали размножаться, потреблять без ограничения и защищаться любой ценой, что закончилось их вымиранием.

Более счастливой альтернативой может быть следующее: те, кто был обеспокоен, начали действовать. Они стали изучать человеческое поведение с помощью методов, которые впервые появились в контексте физики и биологии. Они перешли от наблюдения за тем, что люди делали на протяжении истории, к наблюдению за тем, что люди делают в тщательно контролируемых условиях. Появились наука и технология поведения, свободные от государственного, религиозного и экономического влияния. Были разработаны лучшие культурные практики. Старые практики становились слабее, поскольку их обоснованность была поставлена под сомнение. Государство более не обеспечивало порядок и безопасность. Религия более не приносила спокойствия и вместе с государством стала представлять угрозу для мирного сосуществования. Мистические ответы на загадочные вопросы уступили ответам науки. Экономические институты потеряли контроль, поскольку автоматизация уничтожила как потребность в производительном труде, так и его использование. Образование стало основным средством поддержки и распространения культурных практик. Человеческий вид просуществовал многие тысячи лет, и прежде чем те пришельцы из космоса достигли Земли, их встретил такой же караван, идущий навстречу.

Вторая альтернатива утопична, но в каком из двух пониманий этого слова? Какой будет наша утопия - лучший мир, или мир, которого не существует?

Перевод [Тимура Курицына](#), редактировал [Иван Чистяков](#)

Оригинал: [Upon further reflection. NJ: Prentice Hall; 1987. pp. 1–14](#)

Поставьте лайк и подпишитесь на уведомления, чтобы не пропустить наши материалы. Помочь не психологии деньгами можно по [ссылке](#) :)

Беррес Фредерик Скиннер:
Случай из практики
научного метода

Что происходит во сне?

2080 просмотров